

Ольга Вересова

Реальная история

три детектива из серии «Доминика»

Ольга Вересова

Реальная история

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18401008

ISBN 9785447474768

Аннотация

С любовью к моим героям, прожившим вместе со мною девяностые и двухтысячные годы в нашей стране. Очень надеюсь на читателя, который будет рад знакомству с ними.

Содержание

Реальная история, абакан 85 год	5
Конец ознакомительного фрагмента.	44

**Реальная история
три детектива
из серии «Доминика»
Ольга Вересова**

© Ольга Вересова, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Реальная история, абакан 85 год ...Размеренный, повествовательный стиль изложения диктуется самой историей. Такой вот детектив

– Да, я проживаю жалкую жизнь. Прежняя строилась более 30 лет, пусть она была жизнью средненькой актрисы и сама была средненькой, но в ней была основа! На мечтах, на планах, на возможностях, на здоровье, в конце концов! И я не боялась! А сейчас я боюсь сделать лишнее движение, добавить ту последнюю каплю, что сделает меня беспомощным существом. Ну, подымут моё дело, так у них есть пять пострадавших без меня, и они мертвы, им уже не повредит ничего. Пусть ментовка отрабатывает свои зарплаты и доказывает профессиональную состоятельность не за счет меня! —

Анна выдернула сигарету из рук Ники.

– Хватит уже! Закурила всю кухню, пачки в день не хватает! Постыдилась бы ребенка! —

Они нервничали, Анне тяжело было видеть их больные от сострадания глаза.

Ефим тяжело сидел на табурете в углу кухни, заложив го-

рячую батарею подушкой, и молчал, как молчал все эти три года.

Она и сама впервые начала задавать себе вопросы у остановившегося времени этих лет.

– Я уже чувствую себя виноватой за судьбу тех пятерых парней, исключенных из института. Их мечты и планы тоже разрушены, и это сделала я. Молодежь всегда сбивается в стаю и показывает клыки старшему поколению, да ведь такое всегда было! Железное правило природы. –

– Ну, что ты говоришь! – Возражала Ника.

– Мы говорим не о природе, а о насилии. О том, как сегодня подростки наслаждаются насилием. Вместо наслаждения интеллекта – наслаждение инстинкта! Это легче. И в стае сбиваются вместо того, чтобы стать личностями, и это опять только ленность души и мозга. Вспомни – «Душа обязана трудиться и день и ночь, и день и ночь!»

– Девочки! Давайте вернемся на землю! – Возник вспотевший Ефим. – Факты говорят, что во все времена и во всех народах есть определенный процент преступников, бродяг и пьяниц. Неважно, какая социальная среда дает больший тех или иных – процент неизменен, как генетическое наследие животного состояния человечества, которое оно изжило миллионы лет. Что из этого следует? —

Он обвел их нетерпеливые лица взглядом. – То, что поскольку есть процент преступников, есть и процент жертв! – Ну, правильно, и я в этом проценте. – Расплакалась Анна.

Ефим уходил к себе, обозванный балдой, и удивлялся: в чем же они все-таки находят успокоение, как умудряются быть по утрам сильными и способными вдохнуть эту силу своим детям?

– Черт меня дернул выкладывать банальщину! Любая наука при столкновении с женщиной становится тупой и пошлой. Никогда этого не пойму.

глава 1

Прислушиваясь, как бьется ветер о высокую, бетонную стену здания драмтеатра, Анна поймала себя на мысли, что ей хочется поскорее уйти.

Не от того, что актер Шрайдер, чей юбилей коллектив решил отметить после премьеры спектакля, был ей несимпатичен, напротив, он внушал ей, если не теплое чувство, то уж точно уважение, но банкеты она переносила с трудом.

Отработав в новом для себя городе один сезон, Анна имела только вводы в уже шедшие постановки – режиссер к ней присматривался – но она не нервничала; все-таки десять лет актерского стажа за плечами. Анна рискнула побывать на театральной бирже в Москве и подписала контракт с абаканским театром не случайно, – там не было актрис ее возраста.

В свое время Ленинградский театральный институт принял эксперимент, осмотрев в Хакасии десятиклассни-

ков и дав им профессию актеров, выдал готовую труппу в открывшийся абаканский театр.

Расчет Анны оказался верным.

Актеры были одного возраста, все крайне молоды и без профессиональных навыков, а немногочисленная старая гвардия труппы имела предпенсионный возраст.

Анна, в свои тридцать три, была одна, что гарантировало ей прекрасные роли в спектаклях. Она оставила свой полу-столичный театр и, довольная собою, приехала в Абакан.

Вводы были удачные и Анна, с полным основанием, ждала ролей в новых постановках.

Она не чуралась коллектива, но заметно держалась на особицу. Сохраняла ли дистанцию будущей прима? Скорей всего, она оказалась между стайкой молодежи и группкой стариков, и это ее устраивало – эмоции ей были нужны на сцене, а не на закулисные дружбы.

– Что поделаешь, я не душа хоровода.– С полуулыбкой полуизвинялась она на предложение принять участие в очередном актерском сабантуйчике.

Анна еще какое-то время послушала ветер, подумала, что октябрьские морозы пошли вспять и завтра потеплеет. Она потихоньку вышла из репетиционного, где проходило застолье, и спустилась вниз на вахту, одевая на ходу шубку. Порыв ветра чуть не зашвырнул ее обратно в дверь, и она, со-

гнувшись, и спрятав лицо в пышный воротник, торопливо проскочила туннель арки на ярко освещенную площадь.

Ветер вздувал сухие снежные кристаллики и высвистывал их поземкой по безлюдным улицам.

«Все-таки засиделась до полуночи, вон даже в ресторане свет уже потушен».

Идти ей было близко – два квартала по прямой и двор по диагонали. Четырежды в день проходимый ею путь, безлюдный под неоновыми фонарями, сейчас казался декорацией к спектаклю.

Анна дошла, наконец, до перекрестка, и поодаль, на освещенном круге от пляшущего фонаря, заметила группу молодых людей у главпочтамта, небольшого, двухэтажного здания на противоположном углу.

Ей нужно было дойти до него, свернуть и вновь пересечь дорогу. Там, на первом этаже гостиницы, находился ресторан.

У входа в него, в другое время, всегда толпилась молодежь с грубыми, крикливыми голосами и дымящими сигаретами. Проходить мимо них Анне было неприятно, но в этот вечер уже было безлюдно, как и на автобусной остановке рядом.

Она осторожно цокала сапожками на льдистом асфальте, приближаясь через дорогу к перекрестку, когда из гостиницы вышел и пошел навстречу высокий мужчина.

Его кожаное, длинное пальто блестело под неонам, аккуратно заправленный шарф модного малинового цвета – Анна на сцену надевала линзы и теперь отчетливость предметов была сродни четкости черно-белой фотографии.

«Сейчас прицепятся к человеку». – подумала она о группе под фонарем и точно, мужчина остановился, но ничего не происходило, кроме того, что он мирно закурил в их компании.

– «Значит местный» – Отметила про себя Анна.

«Кожаный» пошел дальше и скрылся в черноту за углом. Когда Анна была уже на середине перекрестка, группа тоже стронулась с места и шла к ней навстречу.

Поравнявшись, один из них вдруг сделал резкий выпад и вынырнул перед ее лицом. Анна отшатнулась, а тот глумливо проорав «А-а-а..», захохотал и пошел дальше.

Подавив досаду, Анна быстро дошла до угла, человек в коже был уже далеко, и она видела его блестящую, от витринных огней, спину. Вдали показался ночной автобус и остановился полупустой уже у нее за спиной, но она оглянулась – вышли трое пассажиров, и пошли через площадь к вокзалу с чемоданами в руках.

Раздражение не оставляло ее, и Анна ускорила шаг, за углом ее ждал уже погруженный в темноту переулок.

Нет, она не услышала за спиной, а именно уловила ритм бесшумно бежавшего человека. Оглянувшись, она застала

движение мужчины в беге, почему-то мгновенно застывшего, словно кто-то из детства скомандовал — «Замри!».

Анна пошла быстрее вперед, но через пару секунд поняла, что это тот самый мужчина в «коже», ушедший в противоположном направлении. Но как он очутился у нее за спиной?

Она не стала сворачивать в темноту, решив пойти двором, по диагонали, и уже почти бежала, звериным чутьем чувствую за спиной угрозу. Оледеневшая дорога не позволяла сделать широкий шаг, и Анна мелко перебирала сапожками.

Она не объясняла себе охватившую ее тревогу, испытывая дикое чувство страха и стремясь лишь бежать к своему дому.

Двор был пустынен, никто не хлопал дверцами автомашин, не выносил мусор и не торчал с сигаретой на балконе — одна, в окружении бетонных стен с мертво голубым телевизионным светом окон.

Преследователь был рядом, хотя она, по-прежнему, не слышала его шагов.

Анна кинулась к хоккейной коробке в центре двора и, прихватываясь за ее борта, побежала к длинному, пятиэтажному дому, мимо которого она всегда проходила к своему — угловому.

Бортики дрожали от ее и преследователя рук, он тоже скользил и хватался, чтобы не упасть. Коробка кончилась, Анна оттолкнулась от нее и кинулась через пустую, метра в три, полосу к спасительному дому, освещенному как идущ-

щий в темноте корабль. Она уже поняла, что до своего не добежит, а если успеет, то её настигнут в темном подъезде.

Он ударил её в спину перед посадками молоденьких деревьев.

Анна плашмя упала на тонкую порошу снега, выбросив вперед руки, и мужчина вскочил ей на спину. Подпрыгнув, он лишил её воздуха. Анна пыталась превозмочь боль и вздохнуть, когда он навалился на нее и схватил за горло. Вернее, он обхватил тисками воротник и принялся давить и ломать ей шею. Нашитый ею сверху на воротник цигейки белый, плотный мех полярной лисы не поддавался, и мужчина голой рукой пробирался ей в рот, раздирая щеку.

Её руки, выкинутые при падении вперед, оказались у лица, и Анна с остервенением принялась грызть пальцы нападавшего, схватив их. Он отдернул руки и принялся коленями разламывать поясницу Ани.

Сколько времени это продолжалось? Вечность? Как вдруг он резко отпустил её, и тут Анна услышала крики людей. С какого-то балкона кричал мужчина.

Нападавший отпустил её, и они стали вместе подниматься с земли. Как в замедленной съемке, Анна разглядывала правильное, чистое, молодое лицо, какое рисуют на призывных плакатах, создавая образ комсомольца.

Аккуратно сидевшая на голове «норочка», не выбившийся в борьбе шарф и светлые глаза.

Он усмехнулся ей в лицо и, оборотясь к балконам, крикнул, – Что всполошились? Это наше с женой дело!

Анна опомнилась и кинулась к дому.

– Нет! Нет! Он лжет! Я его не знаю!

Поставленный голос актрисы был сорван и хрипл, Анна и не знала, что все это время, пока он рвал ей рот, она кричала, и это на её крик вышли люди.

«Кожаный» пытался схватить ее, но впереди сияла открытая дверь в подъезде и Анна рванулась туда, где на ступенях стояла босая, в белой старушечьей рубахе, женщина.

– Сюда, доченька! Сюда!

Анна оторвала от себя мужские руки и, всё также крича, кинулась к подъезду.

– Я живу здесь... рядом. Вы все меня видели.– Продолжала она хрипеть, упав на ковровую дорожку в тесной прихожей.

Она металась среди чужой обуви, рыдания раздирали ей грудь, и также причитала и плакала женщина, что открыла ей свою дверь.

Уже висела спасшая Ане жизнь шубка, отмылась в ванной сама Аня, а женщина все ходила по комнате и рассказы-

вала, как в далекие военные годы, на этом же самом месте стояли деревянные домишки, её, молоденькую, незамужнюю девчонку, изнасиловал какой-то мужик. И как она ни билась, ни стучала в окна, за которыми были люди – ни один не вышел спасти её.

Наконец, придя в себя, Анна позвонила в милицию, и всю остальную ночь давала показание, подписывала протоколы и чертила на бумаге путь, которым бежала от нападавшего.

Только утром она очутилась у себя в квартире, боясь, что убивавший её человек где-то рядом и высматривает, куда она пойдет, чтобы закончить начатое.

Позже, жители этого дома подтвердили, что действительно видели из окон прячущую фигуру в гаражных постройках той ночью.

Анна позвонила в театр, что не сможет быть на репетиции, и пошла к назначенному часу к следователю.

Им оказался человек в её возрасте, боявшийся лишний раз взглянуть на её отекавшее лицо с кровавой раной рта, и, в течение часа, опрашивающий Анну о приметах нападавшего.

Она опять переживала жуть этой ночи в мельчайших деталях, шаг за шагом, и эти пятнадцать минут с момента выхода за дверь театра до спасения в чужой квартире, вновь становились беспредельным страхом и ужасом боли.

Как тщательно разработанную сцену в спектакле, она видела каждый свой шаг и действия, слышала каждое произнесенное слово. После вопросов следователя о глазах, форме носа, ушей, Анна, с актерской точностью к деталям, ответила, что ушей не видела, потому что их не было.

– Как не было?

Анна вновь рассмотрела сцену его подъема с колен, и не увидела их, как видела бы на голове другого мужчины.

– Ушей у него не было.

Мучительно болела спина и дорога до театра далась ей трудно, но нужно было показать изуродованное лицо, чтобы руководство поняло невозможность её выхода на сцену в ближайшие дни.

Под остолбенелыми взглядами коллег, она дошла до директорской, но вот обратный путь домой по той же, вчерашней дороге, был невозможен.

Заметив неладное, подошел Ефим и предложил пойти вместе. Она вцепилась в него и едва сдерживалась, чтобы не повернуть назад, в свою тихую гримерку.

Ничего не произошло, они спокойно дошли до её квартиры, и Ефим пригласил к себе на кофе, где Аня неожиданно уснула в углу дивана. Вечерело, когда она проснулась, Ефим на кухне читал пьесу.

Она застонала, пошевелившись. Жиденькую кашку из манки они прикончили с бутылкой «Столичной», и это

была единственная еда Ани за сутки.

Она вновь уснула на диване Ефима, а утром поняла, что ужас за спиной исчез.

На пятый день ее затворничества позвонил следователь Рычков, тот самый, что вел ее дело, и вызвал на десять часов к себе.

«Господи! Хоть бы скорее нашли! Невыносимо знать, что с тобой придут расправиться, а Он точно придет».

Она отпорола кокетливый белый мех с воротника шубы и, вместо белой лисы на голове, носила вязанную из пестрой нити «Ленинградку», постаралась стать не бросающейся в глаза женщиной «из толпы», и выходила из дома лишь в угловой магазинчик за продуктами.

Да и то сказать, что есть ей было все еще трудно, поэтому покупки сводились лишь к кефиру и хлебу.

Аня похудела и все больше лежала с книжкой в руках. Её, прежде такая размеренная, жизнь потихоньку возвращалась, несмотря на мгновенные всполохи памяти о пережитом падении, и они заставляли метаться по комнате и глушить крик подушкой.

Сергей Иванович Рычков —старший следователь горотдела милиции – представил ей своего молодого коллегу.

Втроем они расположились за угловым столом с бюстом

Дзержинского на нем, что явно претендовало на «задушевно-доверительный» период следствия.

– Анна Семеновна! – Рычков сцепил пальцы на груди.

– Мы разработали план поиска.

Он помолчал, ожидая реакции с ее стороны.

– Поскольку та группа людей, что встретила Вас на перекрестке, знакома с нападавшим, а Вы их видели неоднократно у ресторана «Хакасия», то мы решили начать с них. Это логично, и это пока еще единственная ниточка в поиске. – Рычков кивнул на коллегу.

– Вот молодой наш сотрудник, очень активный, и Вы, Анна Семеновна, вдвоем с ним посидите в ресторане. Ваша задача опознать их и указать лейтенанту. От Вас более ничего не требуется, и Вы спокойно уйдете. Как только Ваше лицо окончательно придет в норму, и начнем. Что Вы на это скажите?

Анна, обескураженная происходящим, согласилась, так и не поняв, нужно ли это ей. Было чувство, что она попала в какой-то механизм, и её тащит и волочет что-то помимо её воли.

– Вот и прекрасно! – Следователь тут же перешел за свой стол, знаменуя переход беседы в официальное русло.

– А Вашего мерзавца уже давно разыскиваем. За ним три убийства женщин в Абакане и одно покушение. Но только Вы видели его в лицо. Есть еще одна жительница города, что осталась жива, и теперь живет с разорванной щекой и повре-

жденными сухожилиями лица. Голова набок и шрам через все лицо. Женщин он не грабит, даже не заглядывает в сумочки и не снимает золота, просто убивает. Гражданский долг обязывает Вас помочь следствию.

Анна, обомлев, слушала Рычкова. К ней опять подкрался страх. Подавив оцепенение, она попросила телефон и набрала номер театра.

Ефим ждал ее у кинотеатра и два билета легли Анне в руку.

– Идем, дитяtko, на «Зимнюю вишню».

Он повлек ее к входу. – А уж сплетен будет! Шрайдер с молоденькой дамой! Всем невестам пинок в сердце! Жаль зрителей мало.

Вяло пошучивая на тему «плешивого сердцеда Шрайдера», они дождались в пустом зале начало фильма, события на экране захватили Анну полностью, и она забыла о себе.

После фильма было грустно от сознания своей актерской малозначимости и захудалости её театральных подмостков.

– Ничего,» – Вдруг прервал молчание спутник. – Что-нибудь и нам перепадет.

Она не удивилась одинаковости их мыслей и переживаний.

– Да уж, на такую судьбу мы обречены. Не могут же все быть детьми актера Сафонова!

Хотя Анна давно поняла, что в юные годы нужно было обречь себя на бескормицу и бездомность, и оббивать пороги крупных театров, чтобы продавить стену незамечаемости, и работать, работать, работать, забыв о благополучии и стабильной жизни.

Глава 2

В день похода в ресторан, Анна позвонила следователю и отказалась идти.

– Я известная в городе актриса, и если они еще не знают меня как свидетеля, то, рядом с Вами, узнают. Это будут мои смотрины, и они пройдут на ура. Ваш план неприемлем для меня.-

На улице опять подмораживало, Анна вновь достала белую шапочку.

«Вот этим кокетливым мехом я его и соблазнила. Увидел под фонарем на противоположном углу, – зацепило, для вида ушел в другую сторону, а затем догнал».

Она, чисто по – актерски, анализировала мотивы поступка персонажа. Теперь он явно кружит рядом и пытается понять, что у неё за душой, какие мысли и решения в голове.

Аня почти оправилась, главное успокоилась, только спина болела тупо и беспрерывно. Но впереди большая роль, и рассчитывать на лечение можно было лишь в отпуск.

Тихонько постучав в дверь следователя, она зашла, ничего не видя сквозь запотевшие с мороза стекла очков.

Рычков был не один, напротив входа сидел за столом какой-то человек. Аня присела на крайний стул у двери, не мешая их разговору, и, достав платочек, принялась протирать очки.

Обсуждались меры по наведению должного порядка в день встречи выпускников местного пединститута. Аня вела там факультатив, и подобный вечер наблюдала в прошлом году, поэтому, вспомнив случившуюся тогда кражу пальто, предложила поставить дружинников и в раздевалку.

Собеседники замолчали и взглянули на неё. Тот, кто сидел напротив её, взял лежащую на столе шапку и начал вставать из-за стола.

Анна обомлела – это был тот, кто пытался лишить её жизни.

Кожаное пальто он сменил на куртку, но вот шапка была та же и, когда он её надел – исчезли уши. Они сидели как-то высоко и прижимались к черепу так плотно, что, при надетой шапке, исчезали.

Он поднимался, а Анна опять видела медленный подъем своего убийцы.

Человек, тем временем, обогнул стол и вышел, наконец, на середину комнаты, приближаясь к ней. Ему вдогонку что-

то стрекотал Рычков, а уходящий, также бесшумно ступая, как и ночью, вышел за дверь.

– Кто это был? – Торопливо спросила Аня, прерывая поток звуков из Рычкова.

– А это наш дружинник, студент пединститута. Хороший парень!

– Но это он! Я его узнала! Это он!

– Кто он? О чем вы говорите?

– Это он! Тот, кто напал на меня! – Анна схватила его за рукав, таща к окну.

– Посмотрите же! Он в кроссовках, он и тогда был в них, поэтому я и не слышала шагов! Я в здравом уме, поверьте, это он! Проверьте руки! Я же их зубами прокусывала!

Они смотрели из окна, как мимо проходил тот, о ком они говорили.

Рычков вернулся за стол.

– Анна Семеновна! Этого не может быть. Я его давно знаю. И его родителей... Вы знаете, кто они? Забелины! Отец — декан в педде, а мать — секретарь парторганизации. Лучшие люди и кадры города!

– При чем тут парторганизация? Убивал-то меня вот этот, ваш дружинник! – Она волновалась, повысила голос, заполняя им комнату. – И кого теперь мне искать, если я уже нашла!

– Успокойтесь, это недоразумение...

– Либо Вы занесете опознание в протокол, либо я прекращаю дело и отказываюсь от сотрудничества в поимке преступника.

Рычков развел руками, сокрушаясь,

– Только через начальника милиции. Вам нужно к нему на прием по этому вопросу.

Анна вышла из горотдела с чувством освобождения от чужих решений.

Времени на обед было мало, и она решила зайти в столовую института, решив оттуда пойти сразу в театр на репетицию.

Столовая перед закрытием была пуста, на правой половине зала уже вымыли полы, перевернув стулья на металлические столы, а на левой, у окна, еще сидела группа студентов, о чем-то громко и с интересом обсуждающая.

Она сняла вновь запотевшие очки, замешкав у входа, и услышала громкую фразу.

– Как овечка в кабинете, бе-бе-бе...

«Вот, вот, это про меня». – Подумала Аня и прошла к раздаче. Идти с подносом на левую часть зала ей не хотелось, и она присела сразу у колонны, разделяющую столовую на две половины.

Парни у окна все ещё резвились, и Анна стала их рассматривать, когда тот, что сидел к ней спиной, выкрикнул, – А она-то еще и слепая!» – Что вызвало новый взрыв смеха.

Анна окаменела.

«А ведь это и впрямь обо мне». Она еще увидела, как рассказчика толкнули в бок, и молча, кивнули на неё.

Анна опустила глаза и принялась, с полуулыбкой, пить не то компот, не то кофе. Это было неважно, что пить, важно было сыграть мизансцену владеющего ситуацией человека.

У окна, в наступившем молчании, задвигали по бетону стульями и, наконец, мимо, гуськом, потянулись с подносами молодые люди. Громыкнув посудой, они где-то стороной прошагали к выходу.

Захлопала дверь, запуская клубы морозного воздуха, и мимо неё пошел тот, в блестящей коже.

Поравнявшись с Анной, он, не останавливаясь, четко разделяя слова, произнес. – Ну спасибо, спасибо, спасибо.

Это была свобода!

ГЛАВА 3

Она наслаждалась репетиционным процессом над «Бесприданницей». Наконец-то главная роль, и даже без второго исполнителя!

Взросшая амбициозность изменила и отношение к ней молодой труппы – она заняла пустующее место примы театра.

Помнила ли она зимний кошмар? И да, и нет. Помнила

как давно происшедшее, в какой-то позапрошлой жизни, – её размеренная жизнь не оставляла место даже ночным кошмарам.

Много времени у неё отнимали походы в поликлинику, но к высиживанию перед дверью к врачу, она приноровилась, используя время для заучивания диалогов.

Перед сдачей спектакля худсовету, её, прямо со сцены, увезли по «скорой».

Боль в позвоночнике, чуть не приведшая к шоку, уложила её на операционный стол, и Анна провела в гипсе около двух месяцев.

Раздробленные и смещенные суставы начали гноиться, болезнь отгородила её от всего мира, и все было подчинено стремлению выкарабкаться. Она читала и конспектировала в тетрадях любые публикации по фитотерапии и лечебной диете, все что приносил вместе с яблоками, Ефим.

Иногда, во сне, она играла «Бесприданницу», но днем эти мысли её уже не тревожили.

Перед гастролями она вышла из больницы, спокойно отнесла бюллетень в театр и забрала свои вещи из гримерки. Все, кто её видел, узнавал с трудом – Анна расплнела, но, главное, изменилась она сама.

– Исчез темперамент, смотрит как рыба.– Подытожил главреж.– В театре появился балласт.

Она поехала к морю за солнцем и витаминами.

Вернувшись в Абакан, удивила коллег массой баночек

и кастрюлек с какими-то салатами и маринадами, что готовила дома и кушала в положенное время в гримуборной.

Бутылочки с настоями и таблетки в импортных упаковках сопровождали ее всюду, слово «рыба» теперь было неотделимо от нее в глазах труппы. В новые спектакли её не ставили. Театр исчезал из её жизни.

В конце сентября, к ней забежал взволнованный Шрайдер.

– Нюрочка, лапуля моя! У меня к тебе дело огромной важности! Скажи, что поможешь, а то у меня голова кругом идет. Пойдем ко мне, скажешь, на взгляд женщины, что там не так.

– То есть? – Не поняла Анна.

– Приедет моя старая знакомая по томскому театру. Ты слышала, что в театре будет новый художник? Так это она и есть. Пока решают с городом вопрос о квартире – поживет у меня. Может, что передвинуть или помыть где-нибудь..

– Вот, вот! Именно помыть, и не где-нибудь, а повсеместно. Попроси лучше театральную техничку, все блеснуть будет в твоей холостяцкой норке.

То, что знакомая Фимы оказалась молодой женщиной, задело её. Она смотрела из окна, как они выходили из такси, ведя за руку кроху ребенка.

– Вот и Фима для меня потеряян. Ну, а что ты хотела? –

Сказала своему отражению в стекле Анна.

– У него есть вкус, и он еще интересен женщинам-.

Её размышления прервал звонок в дверь, Анна вытерла лицо и открыла. На пороге, кутаясь в пуховую шаль, стояла приехавшая, и где-то за её плечом примостился улыбающийся Шрайдер.

Незнакомка внезапно обняла Анну.

– Я Доминика. Нужно звать Никой. О вас знаю все. Фима писал. Мы с ним друзья.-

Решили собраться с мыслями, и через час провести вечер у Фимочки.

– У него уже и чемодан собран. Идет жить в общагу.-

Ника говорила все и сразу, чтобы не было недомолвок, Анна еще не встречала второго такого легкого человека, и ей это безоговорочно понравилось.

Все затихло с их уходом, и также бесследно исчезла горечь в ее душе.

«Интересно было бы её сыграть».

Анна подмечала нюансы в поведении Ники.

– Все в ней так просто и обыденно, а на сцене сыграть естественность невозможно, зафальшивишь с первого же слова.

Кончилось все тем, что она, вместе с остатками пиршества, очутилась на кухне и впервые рассказала всю историю покушения на её жизнь.

– Представляете, начальник милиции взял мое заявление и утешил, мол «преступник когда-нибудь все равно попадет-ся». Сытый, довольный собой кабан с погонями! Ведь этот «когда-нибудь» уже убил трех женщин, изуродовал девушку, да и я была бы в их числе.

Увидев лицо Доминики, она осеклась.

– Извини меня. К людской черствости надо иметь привычку. Не получается думать плохие они или хорошие, они такие, какие есть. Хорошо будешь думать – получишь пинок в сердце, плохо – сердца вообще не хватит, чтобы просто жить. Ей богу, нужно мужество, чтобы просто жить.

– Я бы так, как ты, не смогла. Из кожи бы вылезла, но наказала на всю им оставшуюся жизнь! – Ника дернула себя за прядь волос.

– Кислотой бы облила, чтоб рожи до скончания века прятали от людей!

Анна, вдруг повеселев, рассказала о своей тайной беседе с ректором института.

Результатом она осталась довольна – ректор дал ей слово, что к концу года выкинет всю компанию из института.

Слово свое он сдержал. Кроме того, имел встречу в отделе пропаганды горкома партии, куда, вскорости, пригласили и Анну.

План мести срабатывал.

Завотделом была женщина, которая, отводя глаза от тро-

сти, носимую Анной после операции, долго и вежливо объясняла, что не может сын секретаря парторганизации института быть замешан в криминале. Правда, родители на него в обиде за непослушание и большую трату денег, но это лишь от молодости, и пройдет когда-нибудь. Кстати, он женится и, вместе с папиной «Волгой», переезжает к жене в Черногорск.

– Это городок в двадцати минутах езды до Абакана. Почти ссылка!

В дверях возник Ефим, выставив вперед ногу в раздолбанной шлепке и изображая римского сенатора, спросил: – Эттт чо? Теперь всегда так будет?

– А между нами, девочками...

– О нет! – Пискнул он и быстро задвинул ногу. – Боже меня упаси! – Донеслось вместе со шлепаньем.

– Мое кредо – мужик должен знать свое место в доме! Иначе будет не дом, а клетка с тиграми! – Удовлетворенно изрекла Доминика.

«Да! Рядом с ней, я из разряда средненькой актрисы попадаю в разряд посредственных женщин. У Ефима есть с кем сравнивать».

ГЛАВА 4

Жизнь Анны распределилась сама собою между этими людьми, больницей и редкими спектаклями, в которых она

доигрывала за кем-нибудь, кто на время выпадал из обоймы. «Бесприданницу» она играла, но во втором составе и не часто.

Круглосуточное пребывание Ники в театре, где с приглашенным режиссером Преображенским они хулиганили, работая над «Швейком», обрекло её на положение няни. Она с энтузиазмом взялась за воспитание малышки Ники в плане этики и эстетики. Ребенок, по малолетству, поддавался, но быстро приходил в себя, общаясь с дядей Фимой, в их долгих походах за провиантом.

Ранней и быстрой хакасской весной, Доминика буквально влетела в квартиру Анны. Она уселась на кухне, всем своим видом говоря: ну спроси же меня!

– Что случилось?

– Ты не волнуйся! – Ника опасно глядела на затянутую в тугой корсет Аню. – Он по-пал-ся!

Анна прислонилась к косяку.

– Ты серьезно? Где ты узнала?

– В гостинице. Забежала к Преображенскому, а там девочки из парикмахерской рассказывают. Значит так! Вчера вечером, какая-то каратистка ехала домой на окраину в автобусе. Он за ней потащился, туда, где новые дома на летном поле. Напал на неё, от счастья штаны наверно обсикал, гад! А она не только его уделала в хлам, но и в милицию притащила. Он сейчас там, в подвале, а родители в горьком поро-

ги лижут. Ну что ты, Аня? Все же исключительно справедливо! Теперь этот мент к тебе сам припрется, вот увидишь, и, наверное, скоро. Ты лучше подумай, как с ним разговаривать. Есть сведения, что в Черногорке, зимой, убита женщина и таким же способом. Мы тебя решили не информировать, чтоб не переживала, а сейчас просто в тему. – Она укусила бублик со стола и, с набитым ртом докончила. – Ладно, Нюрок, я через пару часов прибегу. Преображенский макет отсмотрит, своё пф-фэ скажет и я свободна. Лизка с Фимой гуляет? И Фимка-то еще ничего не знает!

Она давно убежала, а Анна пришла в смятение настолько, что задрожали руки.

Прошло два года с события, перевернувшее её жизнь и сделавшее саму эту жизнь нереальной, как нескончаемый сон, от которого никак не проснуться. Она ходила, играла на сцене, превозмогая боль, месяцами пролеживая в хирургиях, но более не жила, не мечтала, а главное – не вспоминала ни о чем.

Ребенок Доминики, с большим именем Елизавета, – это и был сосуд, откуда Аня черпала для себя тревоги и улыбки на день. Кроху не сдали в ясли, и у неё были три няньки, включая Ефима на полставке, по его собственному определению. Весь их тесный мирок вертелся вокруг неё, а теперь прошлая, грубая действительность влезает в старательно выстроенную хрупкую жизнь Анны. Она прошла в ком-

нату и посмотрела на пухлое лицо малявки, ища в ней защиту от начинавшегося раздразива. Лисенок спал и был несказанно далек от Аниного одиночества.

С этого дня начались обсуждения темы, прежде негласно запрещенной в этом доме, и потому, как горячо говорили Ефим и Ника, Анна поняла, что они и ранее думали об этом, но в её присутствии никогда не позволяли себе высказаться, боясь за неё.

ГЛАВА 5

К директору Анну вызвали на утренней репетиции.

Рычков скромно расположил своё брюшко в угловом кресле. Молодой еврейчик Миша Птичка, чудом попавший на номенклатурную должность из администраторов филармонии, топотил за директорским столом.

Анна держала паузу, подчеркивая ожидание. Легкого разговора явно не получалось. Пришло время назвать вещи своими именами.

– Я был тогда неправ.– Зафальшивил майор.

– Вы дали уйти преступнику. – Сухо поправила Анна.

– Да, я виновен перед Вами. – Склонил голову Рычков.

– Дело не в вине, а в Вашем профессиональном преступлении. – Бесстрастно высказалась она.

Рычков передернул плечом.

– За 20 лет службы в органах, я принес немало пользы. Ему хотелось в свой кабинет, он с бешенством глянул на Птичку.

– Дело о серийном убийце ведет наш отдел, я прошу Вас написать заявление на открытие вновь Вашего... все протоколы сохранены, и Вы будете главным свидетелем обвинения. С нашей стороны будут представлены Вам всяческие гарантии безопасности.

– Это всё? – Она поднялась со стула. – Я подпишу только тот протокол трехлетней давности, где был опознан и назван нападавший на меня. Хочу, чтобы вы ответили за своё пренебрежение к моей безопасности. Я по Вашей вине живу эти годы в постоянном страхе.

– Подождите!

Его голос за спиной изменился. – Вы вправе наказать меня, я готов, но если Вы не согласитесь, убийца будет на свободе. Всё сведется к хулиганству, его адвокат уже работает в этом направлении. Вы, и только Вы, как единственный свидетель, видевший его в лицо, измените ход суда. За тех, убитых и будущих жертв, пожалуйста, согласитесь. Подумайте. Мы спрячем Вас.-

Она обернулась к нему.– Дороги, которые никуда не ведут, заводят дальше всего. Я устала от такой жизни». —

– У меня в Подмосковье живет теща, на сборы три дня. – Его лицо прочеркнулось улыбкой.

– Представляешь, они будут играть в хакасском костюме итальянскую жизнь!

Эта, шизнутая на национальном вопросе, Альбина, из «Хозяйки гостиницы» хочет сделать политический апофеоз женщин мира! Идут гречанки, итальянки, индуски и хакасски! Типа парада на первое мая, только без портретов и транспарантов. И все с азиатскими физиономиями!... Твою-то мать!

Попыхтев сигаретой, Ника окончательно взорвалась. – Да пол-Абакана нужно собрать баб для эдакой демонстрации! А сколько будет стоить спектакль? На одних костюмах театру хана придет. Я уж не говорю о темпераменте! Итальянцу нужно выюном крутиться, чтобы сбросить энное количество энергетики, а нам северянам только руку поднять, и мы готовы! В фильме Проклова и Райкин из кожи выпрыгивают, чтобы создать итальянскую динамику движений! А у нас, жирненькие хакассочки неторопливо будут туфту гнать! И чем занимается отдел культуры?

Анна слушала вполуха, проигрывая в голове сцену в директорской.

Больше всего её занимал момент исчезновения директора, не замеченный ею. «Стало быть, накал разговора был таков, что он сбежал на всякий случай, а я и не увидела?»

– Да какие они хакасы, чёрт возьми! Самые, что ни на есть, северные китайцы! Завоевали Хакасию, аборигенов съели,

и ассимилировались. Ты в их музее была? Культура двух-
слойная, как бутерброд. До девятого века один слой, а уж
в одиннадцатом совсем другой. И одежда у них уйгурская,
эти рубахи с оплечьями....

– Кстати, где Лизка?

Ника махнула рукой, мол все в порядке, и увидев в глазах
Ани взбухающее негодование, быстро добавила, – В мастер-
ской дрыхнет. Нормально у меня там, мышей нет, ацетон за-
крыт, ничего с ней за час не случится. Тебя дождемся и пой-
дем домой.

– Форточка закрыта? – Скорбно осведомилась Анна.

– Знаю, знаю – на сквозняке даже собака не спит.

– Я бы её взяла с собой, но на сцене дует, – Раздумчиво
гнула своё Анна.

– Нет! Ты представляешь? – Обратилась Ника к голове
Ефима, что просунулась в примерку. – Лизку нельзя взять
на сцену по одной причине – там сквозняк!

– Но, Никуша, там действительно сквозняк, Анята права.

– А может Альбина не совсем шизик, а просто зафанате-
ла? – Ника вопросительно смотрела вдаль.

– Что тебе мент говорил? – Ефим прикрыл дверь. – И что
собственно преподает мамаша Забелина?

– Читает курс истории Советского Союза досоветского пе-
риода.

– Как? – Взвизгнула Ника.

– История Советского Союза досоветского периода.– Поставленным голосом повторила Анна.

– Это еще каким таким Макаром! – Зарыдала от смеха Ника.

– Вы что тут? Анекдоты травите? – Появился в дверях Птичка.

– Ага, про кафедру в Абаканском педсе.. досоветский период Советского Союза... – Стонала Ника.

– Ну и что? Нашли смешное, тут плакать надо.

В ответ на печаль директора рассмеялась и Анна.

– Анюта, так ты решилась? – Доминика провожала до кулис подругу.

– Методом шантажа. Нажали на кнопку «совесть», – Под бравурную музыку Анна выпорхнула на сцену. «Дамы и господа» начались.

Глава 6

Шрайдера, с сердечным приступом, увезли по «скорой» со спектакля.

– Нет! Ты представляешь! Он еще доигрывал! А если бы загнулся в театре?» – Ника собирала ему вещи в больницу. – Умер бы прямо на сцене, а? Это разве лучше, чем отменить спектакль? – Не забудь зубную щетку и эликсир положить. Ужасно жаль! Я насмотрелась на сердечников в госпитале, страшное зрелище.-

– А тебе, Аня, нужно перейти сюда жить. Я в театре вру напропалую, что ты уехала. Сиди дома и не высовывайся. Не вовремя Фима свалился! У меня работы перед гастролями невпроворот, когда за продуктами бегать?

– Это ты его довела. Какого принца ждешь? Ведь рядом чудесный человек – внимательный, тонкий на нюансах человек! Мои все поклонники пролетали на нюансах. А у принцев одно только достоинство и есть, – лошадь под ними.

– Вот в мужьях-то его точно доконаю! Фима для меня такой друг, что сама себе завидую. Узнал, что одна с ребенком осталась, немедленно вызвал к себе под крыло. Не заморачивайся на мой счет, я тоже только в друзьях хороша. Я тут покумекала и договорилась с Васей электриком об одной штуке, хочу тебя от ненужных страхов избавить. Он проведет такую проводку от твоей двери, что, когда кто-то попытается открыть, здесь лампочка загорится. Прямо сейчас и придет.

– Ты в комнате посиди, не выглядывай. Типа, я сторожу твою квартиру от вора.

– Хорошо надумала. Вовремя. Я все-таки думаю, как только адвокат Забелиных будет поставлен в известность о новом деле со мною – заявятся.

– Похоже, уже знают. Сам-то сегодня приходил к Мишане. Миша на голубом глазу ответственвал, что ты в московском госпитале лежишь.

– Что ж ты молчала? – Анна разволновалась. – Надо же что-то предпринять для безопасности!

– Здравсте! А сигнализацию поставить кот надумал? И чего тебя волновать? Еще ничего не известно. Я думаю, решили тебе компенсацию выдать. Только где они раньше были, когда все случилось? Ладно – сынок гад, но они-то понимали, каково тебе приходится! Или у них совесть просыпается, когда самих за сраку возьмут?

– Достоевский, изучая проблему преступления, сказал, что все, кто попал в орбиту преступления, все несут на себе печать жертвы. Я недавно встретила Забелину- еще одна жертва своего сына. Горе тоже гнет к земле. Из цветущей, деятельной женщины, она превратилась в блеклое, сильно постаревшее существо, прячущее глаза. Бредет вдоль аллеи с сумками, и не в одну ей норку не спрятаться.

– Не говори мне о ней, только у такой самодовольной сучке мог вырасти такой урод. Ты сама возмущалась, как сыночку выдавалось на день 50 рублей, в то время у неё аспиранты с семьями жили на 100 р в месяц. Ты, актриса с образованием, получаешь 120! Да, у них есть деньги, но не для чванства же ребеночка! Да и мужа себе заполучила со званием, чтоб честолюбие свое тешить, карьеру сделать. Есть бог на свете!.

– Пойду-ка я к Лизе, а то поругаемся, да и Васяня скоро придет.

Васяня провозился минут пятнадцать, Анна слушала их разговор в прихожей, затем пережила чаепитие на кухне, и наконец, Ника возвестила-Выходи, все готово. Сейчас опробуем».

Анна потеряла онемевшую спину.

– Система такая – вставляешь ключ, или отмычку, ну, в общем железяку, цепь замыкается и горит лампочка в Фимкиной квартире. Если полезут голой рукой, то еще и током шибанет. Хитрее нам и не нужно. Цель этого сооружения – понять, предпринимают ли что-либо против тебя! Ну, как? Нравится?

Она покрутила ключ в скважине, и замигала яркая лампочка над зеркалом.

– Надо Фиме сказать, чтоб не беспокоился.

Полная, белесая луна просвечивалась пятном через шторы, Анне плохо спалось и от луны, и от онемения тела. Она не услышала, она почуяла как бесшумно отворилась дверь подъезда и три темные фигуры поднимались на этаж. Она затаила дыхание, этажом выше глухо зарычала собака

– Ника.. Ника! Они пришли. Ника! – Она шептала, судорожно вставая с дивана.

– Так лампочка не горит же? – Ника подняла голову.

– Они на лестнице стоят.

– Господи, ты, боже мой! По запаху определила?

Ника прошмыгнула к двери.

– В подъезде выключили свет, ничего не видно.

Они шептались у двери, как вдруг над ними вспыхнула лампочка.

Анна вцепилась в Нику, побледнев, и тут же раздался дикий визг «сексбабули» из соседней квартиры.

Гулкий топот убегающих ног, и лай выпущенной собаки, вкупе с старушечьим воем, разбудили Лизу и добавили детский плач ко всеобщей какофонии.

Анна метнулась к кухонному окну. Три темные фигуры скачками пересекали двор, преследуемые соседским ротвейлером.

Обе были бледны, остаток ночи провели за чаем и разговорами. Ника созналась, что была не права, не веря в реальность страхов Анны.

– Больше не сунутся, но ты скажи мне, как их наша «секси» учуяла?

– Так же как и я, своими страхами. Одна ведь живет и, тоже, чего-то боится.

– Само собой, Фимке ни слова об этом. – Анна согласно кивнула.

глава 7

– Так странно, впервые не поехать на гастроли, словно жить другой жизнью. Наша номинальная мамочка увезет

Лиску к настоящей бабушке, и мы проведем лето одни. По-репетируем жизнь независимого пенсионера! Станем много гулять, съездим на Саяны в гости к моему приятелю, я буду реализовывать свой кулинарный талант и готовить тебе завтраки.

– Да уж! Два инвалида на ребенка это много. Жизнь превратилась в набор проблем. Думала, что главная проблема – пережить суд, но теперь важнее поднять тебя. И как я позволила себе довести тебя до сердечного приступа? Навязались на твою голову! Теперь будешь лежать, и смотреть сериалы для отупения чувств и понятий.

– Но всё скоро закончится, еще неделя, а там суд, уедет Никуша, и мы в состоянии nirваны. Для меня это счастливые два года, ты была рядом, а проблемы мы переживём. Они не вечны.

Анне было уже трудно вспомнить свою жизнь без него. Когда, в какой момент всё изменилось?

Каким образом, всё, что составляло для неё смысл, отодвинулось в сторону, перестало быть определяющим, а её сердце стало требовать этого человека? Она открыла для себя тонкость чувств переживаний, наслаждение от ночных разговоров, сладость ожиданий его прихода с вечерних спектаклей. Его теплота казалось бесконечной, и она жаждала её каждой клеточкой своего существа.

– Я же детдомовский, Аня, никаких еврейских тради-

ций еврейской мамы и папы. Все у меня снивилено меж-
национальным воспитанием: русский мат, уютский быт,
безнадзорная юность, гиблая профессия. Тем не менее, я
лучший представитель еврейской нации в городе Абакане
по части выживаемости. Ты всегда можешь на меня рассчиты-
вать.

Анна приложила к его губам ладонь. – Фима, не балагань,
я поняла, что ты мне сейчас скажешь. Я тронута. Но... я
не подарок никому.

– Я тоже знаю, что ты мне сейчас скажешь, и тоже прошу
этого не говорить. Хочу знать только ответ. Он отстранил её
от себя и опустил на колени. – Не поливай мою лысину
слезами! —

– Я так счастлива сказать тебе да, что ты даже не представ-
ляешь. Будь что будет! Хочу быть счастливой и всё! День,
год, два! Мы ведь не застрахованы от того, что случится
завтра.– Она всхлинула.

Ефим молодо взглянул на неё снизу и, наклонившись, по-
целовал её ноги в новых босоножках.

– С прошлых гастролей ношу. В лучших традициях, в за-
вершение нашего сговора, надень. Камень старинный от Ни-
ки, а оправу сделали в Бодайбо по её эскизу. Там наши име-
на сплетены. Шаман заговорил, чтоб согласилась на лысого,
толстого, провинциального актера, погрязшего в независи-
мости холостячества.».

– Ах вы, заговорщики! Скажи ей, что шаман классный по-

пался, профи.

– Предлагаю торжественный пикник на природе, заодно и провиант закупим в деревне.

– Я точно выхожу за заботливого еврея!

– Я пробивной, пронырливый и очень нежный. Мне есть для кого таким быть!

– Хватит ползать, достань затыранный коньячок, отметим пока одни, а то придут тут, загукают, зацелуют, замельтешат.. Господи! Лизка же в ванной на горшке!

– Ба-а! – Донесся голос Ефима. – Здесь забытый ребенок расписывает содержимым горшка кафель. На удивление интересно, или уже не прерывать творческий порыв? Этот ребенок еще кому-нибудь нужен, я спрашиваю?

– Если бы не пакостила, давно бы разревелась. Я всегда боюсь, когда она молчит.

– Я забросил её в ванну, пусть отмокает. Ну, чего ты пришла? Сам справлюсь.

глава 8

После бесконечных разбирательств в суде; как, когда и какой рукой он делал то и это, и сотни раз подтвержденное им, Максом, он чувствовал себя отупевшим и раздраженным. Ну, признал он свое нападение, не с целью убийства, а с желанием завязать знакомство с понравившейся ему девочкой. Просто неловко пошутил. Сотню раз показывал милиции!

Да не помнит он ничего, девица так его лягнула по мошонке, что все из башки вылетел. А уж пинок в грудь вообще три ребра выломал.

Мать еще, курица безмозглая, старые шмотки притаранила. Он же знал, что весь пед на суд придет, и не собирался выглядеть затюканной мышью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.